

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

МИР СПАСЕТ ДОБРОТА

ЖЕЛЕЗНАЯ
ЛЕДИ

БРИТАНСКОЙ
ПОЛИТИКИ
стр. 10-11

стр. 14-15

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№14 (43)
АПРЕЛЬ 2021

ОН СКАЗАЛ
«ПОЕХАЛИ!»

стр. 5

С КОСМОСОМ
НА «ТЫ!»

Геннадий Норд

Сколько я его знал, он всегда улыбался. Он был самым фактурным из космонавтов, дважды Герой ССР, филателист, по иронии судьбы сам красавчайший на почтовой марке, член Союза писателей Северной Америки Георгий Гречко. А еще он обладал феноменальным чувством юмора, любил шутить, разыгрывать, подтрунивать.

Как-то звоню, а он, делая вид, что не узнал, спрашивает:

— Это кто?

— Норд, — отвечаю.

— О, — говорит Георгий Михайлович, — Норд — это фамилия!

— Гречко — это фамилия! — возражая я.

— Нет, — заявляет космонавт, — Норд — это фамилия, а гречка — это крупа.

Последний раз мы с ним общались в 2016-м незадолго до его ухода. Ему шел восемьдесят шестой год.

— Это правда, что все космонавты давали подпись «нераразглашения». О чем тебе нельзя было говорить?

— Лицо я под грифом «Секретно» живу с детства. В десять лет оказался на территории оккупированной Украины. А когда после войны захотел вернуться в Ленинград, понадобилась справка из райкома, что с братами я не сотрудничал. В институте меня не хотели брать на факультет реактивного вооружения. Спрашивали: «Откуда про него знаешь? На вывеске же написано: «Факультет А». Говорил: «Да у нас в трамвае висело объявление о наборе!» С трудом приняли, но на втором курсе чуть не отчислили: начались лекции о ракетах, к которым требовался начальный допуск секретности. Всем его дали, кроме меня. А через несколько лет, уже в КБ Королева, я подписывал папки документов наивысшего уровня секретности — ССОР.

— Ты ведь не сразу попал в отряд космонавтов?

— В первый отряд набирали летчиков-испытателей. Корабль был автоматический, от космонавта ничего не зависело. Впоследствии в состав включили

бортинженеров, как я, и учёных. К полету я готовился почти десять лет, много раз был дублером. Американцы публиковали списки и второго состава, что помогало избежать морального удара, а у нас становились известными лишь те, кто полетел. Многие из дублеров так и не попали в космос: к примеру, страховавшие Валентину Терешкову Валентина Пономарёва и Ирина Соловьёва.

— В те годы ССРС и США работали на опережение. Наши заслуги — первый спутник, первый полёт человека, первый выход в открытый космос, первая фотография обратной стороны Луны. А почему мы уступили американцам первенство в высадке на Луну?

— Помешала нам идеология и перегибы. В ССРС кибернетику обзывали лженаукой. Поэтому наши приборы были громоздкие, тяжёлые. На Луну готовили ракету «Н1», понимая, что она не сможет спуститься с двумя пассажирами. Пока решали, не отправить ли аппарат без людей, автор проекта Сергей Павлович Королёв умер на хирургическом столе, инженер Валентин Глушко, обижённый, что двигатель в ракете не его, а Николая Кузнецова, быстро зарубил этот полёт. Вот мы и не отправились на Луну.

— А американцы точно там были? Скептики говорят о фильме, снятом в Голливуде.

— Были-были, но сомневайся. Американцы привезли лунный грунт, часть которого и сейчас хранится в вакуумной камере. Следы на Луне Армстронга и Олдрина, с которым я лично общался, видны из космоса. Полёт транслировали на весь мир. В ССРС, правда, в тот момент крутили «Лебединое озеро», а в Китае — патриотический фильм. Но мы, космонавты, на Шаболовке наблюдали спускку. И ребята, принимающие сигналы, сказали, что идет он с Луны.

— Полет Гагарина взяли на вооружение атеисты: летал, а Творца не видел. Как, по-твоему: есть в космосе место Богу?

— На приеме в Кремле после полета Гагарина Хрущев отвел его в сторону и спросил, видел ли он Бога. Юра был крещеным, знал молитвы, в 1964 году он выступил на Пленуме ЦК с предложением восстановить в Москве храм Христа Спасителя. На вопрос Хрущева он ответил: «Конечно, видел. Бог есть». Никита Сергеевич кивнул: «Я так и думал. Но ты никому об этом не говори».

Я считаю, Бога не надо искать фигуально на небе. Он на седьмом небе, в душе человека. Я в него верю. У меня было десять случаев, когда я находился на грани жизни и смерти: пожар на космической станции, на спускаемом аппарате не раскрылся парашют, я тонул четырежды, падал в пропасть. По теории

С КОСМОСОМ

на «ТЫ»

С Юрием Романенко

С родителями

Студент Ленинградского Военно-механического института Георгий Гречко со своим родителями: Михаилом Федоровичем и Александрой Яковлевной Гречко

вероятности, должен уже умереть, но ангел-хранитель меня бережет.

—Известные исторические фразы космонавтов: гагаринская — «Поехали!», леоновская — «А Земля-то круглая». Но, говорят, «за кадром» выражаются и более красочно.

—Всёкое бывало. Знаю случай, когда одна ступень ударила о другую, и нормальный выход на орбиту не состоялся. Экипаж велел слишком высоко и падал на Землю с перегрузкой 23 единицы. У одного даже сердце остановилось на несколько секунд. Вот там они ругались. 26 минут крепких русских выражений. Как после оказали психологи: реакция, адекватная ситуации. Стандартными перегрузками у первых космонавтов считались восемь единиц: никто не был. А сейчас американец на «четверке» сознание потерял.

—Что самое трудное в длительном полете?

—Меняется иммунная система, теряются мышцы. За три месяца полета окружность ног у меня уменьшилась на три сантиметра. На орбитальной станции — отвратительный запах. Работают сотни приборов, у каждого изоляция, смазка, пластина, все это нагревается, трется. Потом привыкаешь. Волосы там концентрируют запах: пролетишь мимо напарника, заденешь — ужас!

—Ты веришь во внеземные цивилизации?

—Верю. Иначе не интересно жить. И ты верь! Рано или поздно инопланетяне прилетят и устроят нам потоп, как это уже было с предыдущими пятью цивилизациями. Прямых доказательств визитов на Землю инопланетян нет, но многое косвенное. Я как-то читал лекции в Ливане. Там в городе Баальбек есть храм Юпитера. Он стоит на подиуме, в котором камни по тысяче тонн! Даже современные краны не потянут такой вес. Сокрет передвижения камней находится под лапой сфинкса, которую не разрешают трогать.

—Ну, хорошо, значит, в инопланетяны ты веришь. А в Бога?

—Бога в космосе видели только в анекдотах. Про Гагарина и Хрущева я тебе уже рассказал. После Юра Гагарин оказался на приёме у Папы Римского, и тот тоже спрашивал: «Юрий Алексеевич, вы видели Бога?» — «Нет, не видел. Нет никакого Бога». — «Так я и знал. Но только никому об этом не рассказывайте!»

—Смешно. Ты очень хорошо выглядишь. Для своего возраста. Есть рациональное объяснение этому? Может, невесомость замедляет старение?

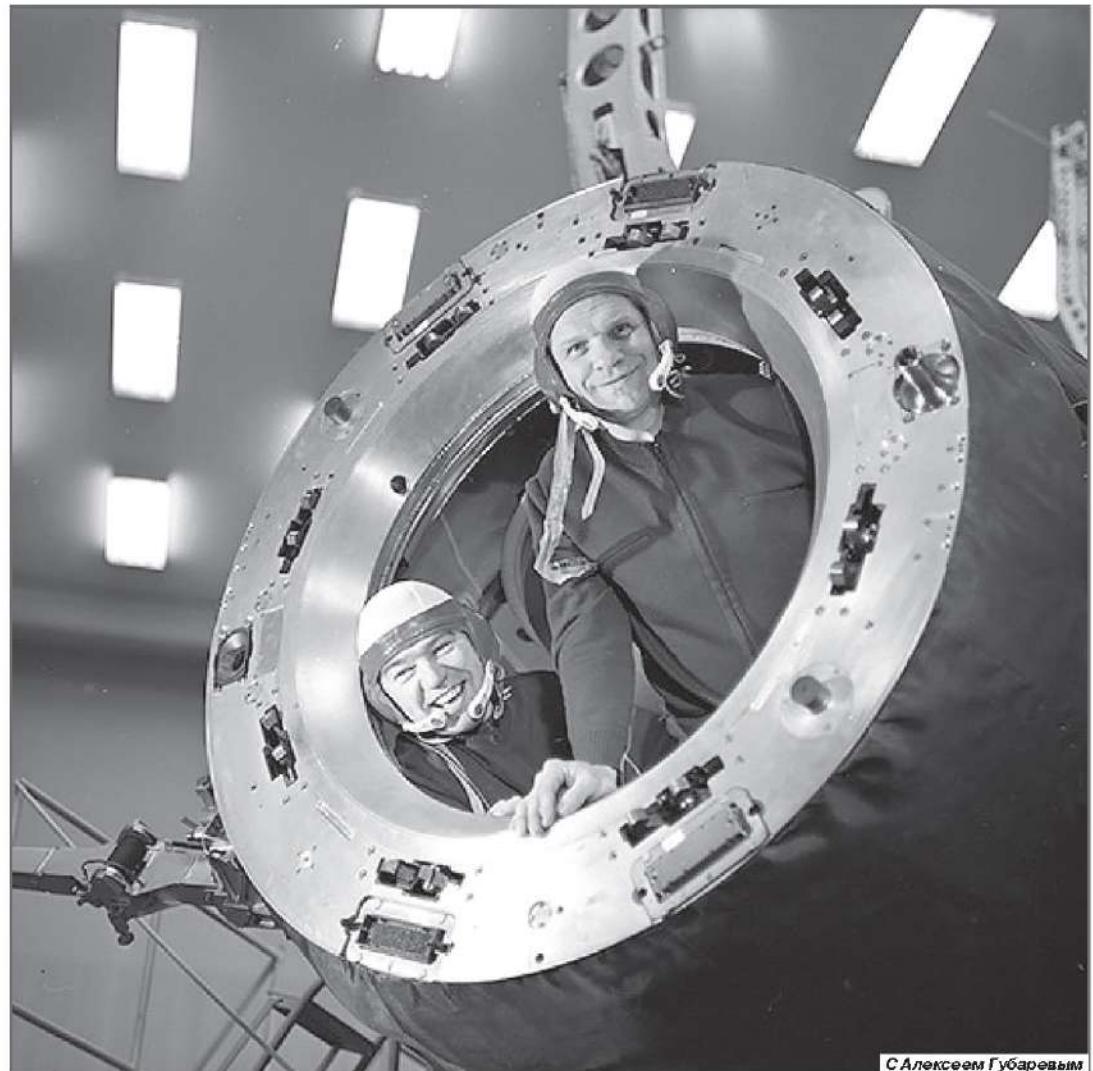
—Рационального объяснения нет. Возможно, дело в том, что я всегда работал как проклятый и старался жить интересно. Стрельба, мотоциклы, автомобили, парашют, горные лыжи. Меня привлекали скорость, огонь и взрывы. При этом я еще и живым умудрился остаться. Что касается невесомости, то каждый длительный полет, наоборот, где другой жизни отнимал. Когда по возвращении на Землю врачи тебя обследуют, то вид-

но, насколько пострадал организм. Вот, скажем, мышца ноги за время полета уменьшилась на семь сантиметров. Иммунная система страдала.

—Ты соблюдаешь какой-нибудь режим?

—Сейчас уже нет. Хотя почти двадцать лет, с 1966 по 1985 год, когда был в отряде на подготовку, жил по часам. Нам раздавали специальные книжечки, где на неделю было расписано, во сколько завтрак, тренировки, умственный труд. Но, сказать по правде, я всегда преигрывал физической закалкой в пользу умственной. Я учёный по своей сути, а не физкультурник.

Окончание на с.8-9

С Алексеем Губаревым

Окончание. Начало на с. 6-7

К примеру, мы с Романенко в 1978 году в самом длительном в мире полете установили 16 мировых рекордов, но я так до сих пор и не знаю, что это за рекорды. Не потому, что скромный. Просто мне всегда было интересно другое. Например, открыть слоистую структуру атмосферы или тайну серебристых облаков.

— Но раз ты стал космонавтом, значит, сразу был немного сверхчеловеком? Сколько раз ты мог подтянуться?

— Тогда мог 16–19 раз, сейчас ни разу. Абсолютно здоровым я никогда себя не считал. Когда я пришел в госпиталь на обследование, в ходе которого решалось, быть или не быть мне космонавтом, даже не сомневался, что через день–два меня выгонят. А откуда было взяться здоровью–то? Во время войны я был в оккупации. Голод, холод, антисанитария — всего этого храта. Скажем, бежишь босиком, расшибешь ступню о корягу какую–нибудь, нагибаешься к земле, по которой едут машины и где коровы оставляют после себя лепешки, и засыпаешь пылью рану. Она образует корочку, и можно бежать дальше. Если вдуматься, тихий ужас. Могло быть зара-

жение крови, столбняк или еще что похоже. А ведь ничего!

— В космонавты тебя приняли без проблем?

— Был инцидент, когда один врач, сын сына, Брянов, обманом хотел меня выгнать. Когда мы, гражданские космонавты, пришли обследоваться, он нам сказал: «У меня две цели: отобрать годных для полета и моя диссертация. Поэтому вы, пожалуйста, говорите правду, я же обещаю не использовать ее против вас». Конечно, все врали.

А я, как дурак, точно, как человек с характером ученого, ничего не скрывал. В итоге он меня первого на отчисление представил. У меня была средняя вестибулярная устойчивость, такая же, как у остальных. Только все об этом молчали, я на науку работал, за что чить и не был списан. Но, находясь в госпитале, не терял времени даром и тренировался. Так что, когда Брянов сказал, что я не подхожу, у меня уже были протоколы испытаний с отличными отметками.

— Говорят, над космонавтами проводили разные садистские эксперименты. Что для тебя было самым сложным?

С Геннадием Нардом

— Испытания я делал на две категории: тяжелые и противные. К последним все вестибулярные относились. Представьте специальные параллельные качели Хильдера. На них стоит стул, к которому тебе крепят. Завязывают глаза. Качели запускают, стул вращается, а при этом врачи еще заставляют тебя качать головой. Сооздавалось дикое впечатление, будто ты вылетаешь из этого стула, и вот–вот тебя размажут по стенке. Для летчиков норма была минут пять. А для нас — пятнадцать. Самые трудные седьмая и восьмая минуты. Нас, желающих, тогда было человек двести, а осталось от силы двадцать. Больше половины на этих вестибулярных исследованиях прошли остановиться, потому что они уже космонавтами не хотели.

— А в какой момент закончилась твоя карьера? Вот ты жил и чувствовал себя космонавтом. А потом — бац! — и пенсия.

— Я ушел не по состоянию здоровья. У меня на столе лежит поздравительная открытка 1988 года от генерального конструктора: «Готовься к четвертому полету». Тогда состояние здоровья еще позволяло летать. Я ушел из отряда по собственному желанию, потому что мне было обидно. В космосе мы выполняли

очень трудные эксперименты, рисковали. А что потом происходило с данными? Человек, который эксперимент ставил, обычно брал какую–то часть для своей диссертации, а все остальное просто выбрасывал.

Я подал заявление о выходе на пенсию и пошел в Институт физики атмосферы РАН, защитил вскоре докторскую. С заявлением, кстати, смешно вышло. Собрал кучу бумажек, отдал их министру на подпись. И вот как–то утром просыпалось, и меня внезапно обижает мысль: «Я, Гречко, испытатель, летчик, учений — и пенсионер?! Как это так?». Всеми правдами и неправдами проник в кабинет министра, нашел свое пенсионное дело и порвал его. Года два пришлось восстанавливать.

— Когда тебе пришлось больше всего рисковать жизнью?

— В юношестве, когда с ребятами глушили рыбу большим снарядом с маленьким бикфордовым шнуром.

А потом на орбите. Мы с Романенко испытывали новый скафандр. До нас в нем в открытый космос еще никто не выходил. Помимо испытаний в тот день нам нужно было сделать работу — осмотреть стыковочный узел на предмет повреждений. Пришлось вылезать не через выходной люк, а через этот самый стыковочный узел. В какой–то момент, когда уже давление сработали, его заклинило. Мы сняли замок, тянут люк, а он ни в какую. У нас была фомка, сделанная по эскизам из музея криминалистики, но из титана. Мы люк немножко приоткрыли, а потом на раз–два толкнули. Только дальше что делать? Выйти в космос, отработать и вернуться? А если мы не сможем закрыть за собой люк, ведь его снова могло заклинить? И сами с жизнью попрощаемся, и станцию погубим. Но мы все–таки рискнули, и, к счастью, все обошлось.

— А на спор приходилось какие–нибудь возмутительные вещи делать?

— С самим собой часто спорил. Маленький бы — ходил ночью мимо кладбища, характер заклинал. Помню, в Ленинграде после войны нашел разрушенный бомбой подъемный кран и ходил по этой груде железа в семи–восьми метрах от земли. Страх высоты пытался преодолеть. Если бы упал, поломался бы.

— И как, все страхи в итоге победил?

— Нет, конечно. Тот же страх высоты у меня до сих пор есть. Как–то я в туристической поездке во Львове впервые увидел действующую парашютную вышку. Отдал фотоаппарат попутчице, а сам полез. Прыгать было страшно, но я преодолел себя. А она не успела сфотографировать. Говорят, лезь еще раз. Я ее тогда, ей–богу, чуть не убил.

— Какой совет ты мог бы дать себе тридцатилетнему?

— Есть такая притча. Человека спросили, как бы он прожил жизнь, имея возможность повторить все заново. И он сказал: «Я бы сделал все то же самые ошибки, только быстрее. Чтобы успеть сделать другие».

Екатерина Райкина и Георгий Гречко на Международном научном Форуме «Аркадий Райкин в искусстве XX века», октябрь 2011, Москва

— Наверняка тебе доводилось переживать взрослые кризисы. Какой из них особенно запомнился?

— Последний, кризис семидесяти пяти лет. Я тебе так скажу: до этого жили спокойно. Здоровье, конечно, уже не то, но терпимо. А вот после семидесяти пяти человек настолько ослабевает, что жить становится очень трудно. А порой вообще не хочется.

Раньше спускался по лестнице бегом, через три ступеньки прыгал, а сейчас на каждой останавливаешься и сидишь говоришь: «Будь ты трижды проявлена!» Неуклюжим становишься. Делаешь неправильные движения, что-то роняешь, разбиваешь. Это все очень неприятно. Я же испытателем был, точнейшую работу выполнял. Еще память отказывает, слух. Жена, к примеру, просит денег, а я не слышу. Хотя последнее — это, скорее, из разряда привычеств.

— Как с годами менялось твоё отношение к женщинам?

— Да не особенно оно и менялось. Молодежи, наверное, не понять, но мы были абсолютно другие. Могли на самом сердце обсуждать, не аморально ли знакомиться в трамвае. С ребятами обсуждали девушки, так я всегда говорил: глаза у нее хорошие. «При чем тут глаза? — смеялись надо мной. — Надо на ножки смотреть!» А я тогда, и сейчас в первую очередь обращаю внимание на глаза женщины. По ним сразу многое становится понятно.

— И сейчас на девушек заглядываешься?

— А что мне, на мальчиков заглядывать-ся? Хотя, говорят, это модно сейчас.

— Жизнь космонавта можно сравнить с жизнью рок-звезды или голливудского актера? Поклонницы одолевали?

— Профессия наша, безусловно, привлекала внимание. Но таких поклонниц, чтобы не давали прохода, пожалуй, не было. Девушки подходили, просили разрешения сфотографироваться, говорили слова приятные: какая вы храбрый, какой вы умный. Но экспрессии в их поведении не было.

— Что самое удивительное в космосе вообще и в невесомости в частности?

— Восходы и закаты. Это на Земле они по разу в сутки, а там по пятнадцать раз! Причем если здесь переливы одного только красного, то космический восход это все цвета радуги. Необычайно красиво.

А ощущение невесомости, думаю, ты и сам знаешь, что такое. Когда самолет в яму воздушную попадает, внутри все сходит так, что ты ахашь. Через секунду самолет обретает опору, и можно выдохнуть. То же самое с космическим полетом. Ракета отошла — ах! Через три мессиша вернулся на Землю — уф! Само ощущение невесомости, конечно, специфическое. Беспокойт в основном вестибулярные расстройства. Я привыкал часа полтора.

— Ты же в курсе, наверное: неужели никто из космонавтов не занимался сексом на орбите?

— Чем занимался?

— Сексом, Георгий Михайлович.

— Не нравится мне это слово. Не привык я еще к нему. Какое-то оно безнравственное и бездушное. Вроде разновидности физкультуры есть йога, есть гимнастика, а есть секс. Я прекрасно понимаю женщину, которая сказала на телевидении американцам, что у нас в СССР секса не было. Хорошо бы, чтобы оно и дальше не было. Мне больше нравится, когда говорят про любовь, страсть, нежность, интимные отношения двух любящих сердец.

— Хорошо, перефразирую: по имеющимся у тебя сведениям, любящие сердца вступали в интимные отношения в космосе?

— Однажды на космическом корабле были муж и жена, американцы, и после полета им задали этот вопрос. Они отшутились, что работали в разных сменах и редко виделись. На самом деле они, скорее всего, решили не рисковать: никто наверняка не знал, кто, а может, и что редится после интима на орбите. Я убежден: в космосе любовью никто не занимался.

— Не алкоголик-то употреблять точно случалось? Поговаривают, тебе довелось пить коньяк на орбите?

Георгий Гречко, Александр Волков, Владимир Васютин

— Ага, напились, потом плакали и обнимались, а закончилось все тем, что мы пытались выйти в открытый космос без скафандров и плевали коньяком в генератор кислорода, в результате чего случился пожар.

Естественно, это шутка. Мы с собой в полет выпивку не брали, зато предыдущий экипаж брал. У них не произошла стыковка, в итоге бутылка осталась на

борту, а мы случайно этот коньяк нашли. Было там литра полтора. На двоих — прилично. Но в пересчете на сто суток на орбите выходило по 7,5 грамма в день. Один раз я принял десятидневную норму — после выхода в открытый космос в неиспытанном скафандре. В нем была такая мощная система охлаждения, что я ног буквально не чувствовал. Выпил коньяка, залез в спальный мешок и тут же

уснул. Так что, видимо, напиваться в космосе мне все-таки не приходилось.

— Ты однажды рассказывал историю, когда в одном из полетов показывал коллегам НЛО.

— Да, я показал им преследующие нас тарелки. Они шли четким строем. Показывали красным, переливались на солнце.

— Так. Анасамом деле, что это было?

— Хорошо спланированный разыгрыш. Хотя сначала я и сам попался. Принял пыльники, которые отделились от обшивки станции и находились у иллюминатора, за летающие тарелки. В космосе невозможно точно определить расстояние — соринка за стеклом может смотреться как космический корабль.

Когда к нам в гости прилетели другие космонавты, я несколько дней им капал на мозги, что у нас тут время от времени появляются НЛО. Потом подгадал момент перед восходом солнца, постучал кулаком по иллюминатору, чтобы пыльники выплыть. Сначала космонавты недоверчиво смеялись, а когда увидели — перестали.

Обычно я пошучу, удовлетворюсь эффектом, а потом рассказываю о сути разыгрыша. Но тут немного увлекся. Сказал: ребята, вы спуститесь на Землю, увидите Севастьянова, он вам все объяснит. Севастьянов знал об этих пыльниках, но в тот момент он оказался в отпуске. Парни крепились-крепились, а потом рассказали о тарелках своим друзьям. Буквально через несколько часов звонок от генерального: «Вы видели тарелки? Докладывайте!» На следующий день — из министерства. До ЦК, говорят, дошли. Так что разыгрыш получился первоклассный.

— За происходящим в стране следишь?

— Я читал много прессы. По всем важнейшим показателям качества жизни — здравоохранение, уровень преступности, зарплат, образование — мы отстаем от Европы и все больше напоминаем дикое африканское племя с диктаторским режимом. Вот она, объективная картина российской действительности. Раньше у нас было две беды: дураки и дороги. Появилась еще и третья — дураки, указывающие дорогу.

— Как у тебя складываются отношения с Интернетом?

— Я умею в него заглянуть. Печатать быстро так и не научился.

— Ну, а чтобы ты пожелал сам себе сегодня?

— Жить, жить, жить! И дышать воздухом нашей замечательной планеты!

